Родословная книга Сибири

ВТОРОЙ ТОМ

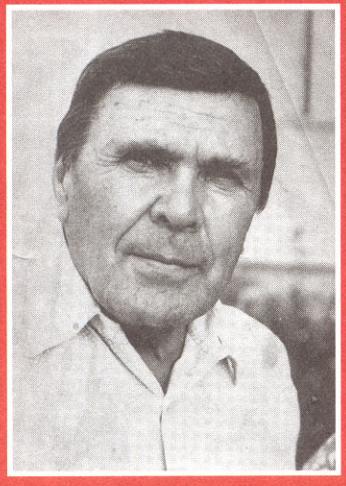
Год памяти и славы

1945 2020

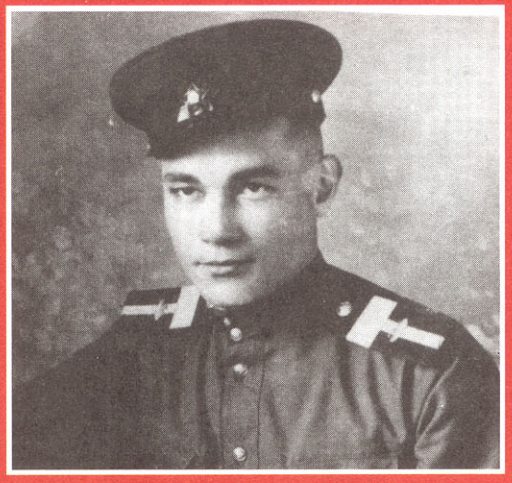
75 ПОБЕДА! 1945–2020

Братья КАМЕНЦЕВЫ:
Михаил Григорьевич, лейтенант (1919–2000)
и Григорий Григорьевич, сержант (1926–1990)

МАШИНСКИЙ
Алексей Константинович,
сержант (1926–1978)



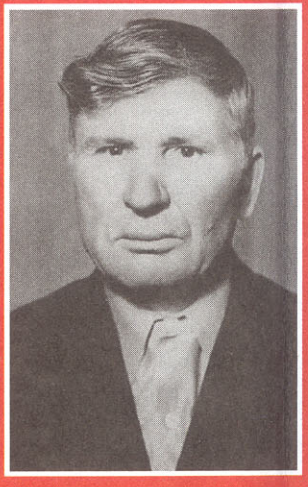
ФРОЛОВ Михаил
Николаевич, старший
сержант (1924–1992)



МАЛАХОВ
Владимир Михайлович,
старшина (1926-2001)

ТЕРЕХОВ
Михаил Романович,
рядовой (1924–1992)

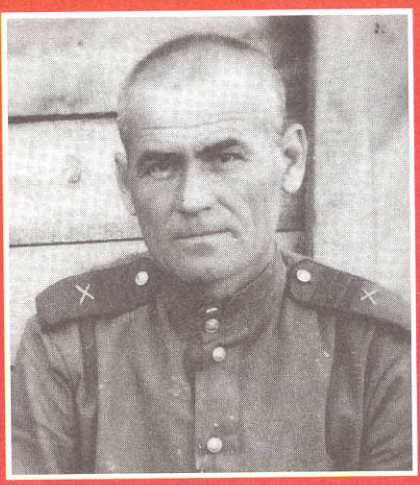
ТЕРЕХОВ
Семен Романович,
рядовой (1919–1942)



АВДЕЕВ
Иван Иванович,
сержант (1915–1998)

ПИЛЬНИКОВ
Юрий Викторович,
рядовой (1926–1969)

ПРОКОПЬЕВ
Андрей Васильевич,
капитан (1917–1993)



ЛАРИОНОВ
Константин Иосифович,
старший сержант (1900–1997)

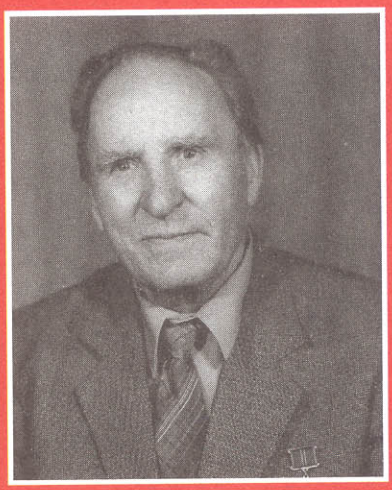
МАЛАХОВ
Александр Михайлович,
сержант (1919–1989)

САЕНКО
Федор Потапович,
рядовой (1908(?)–1942)

ЛУСИКОВ
Виталий Наумович,
лейтенант (1919–1980)

ТАЛАНИН
Евгений Васильевич,
старшина (1926–1999)

ЧЕЧУЛИН
Алексей Алексеевич,
рядовой (1893–1943)



АВДЕЕВ
Степан Николаевич,
майор (1922–2012)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
«СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ»

Родословная книга Сибири

ВТОРОЙ ТОМ

Омск
2020

УДК 929.52
ББК 63.214
Р615

Издание книги осуществлено при финансовой поддержке инициативной группы родоведов, а также спонсоров проекта «Родословная книга Сибири».

Редактор и автор проекта Ю.Н. Ефремова.

Научный рецензент:
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Омского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук» *С.Н. Корусенко.*

Р615 Родословная книга Сибири: сборник статей и материалов по практической генеалогии / Составитель и редактор канд. ист. наук Ю.Н. Ефремова. – Омск: типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. – 584 с.

Редактор и автор проекта выражает искреннюю благодарность всем, кто помогал в подготовке этого сборника материалов по практической генеалогии Сибири. Прежде всего, участникам общественного инициативного проекта «Родословная книга Сибири»: И.С. Авдееву, С.В. Белокур, Е.А. Волошиной, Д.Ю. Гладышеву, А.И. Гриценко, Л.С. Евсееву, А.Е. Евсюкову, О.В. Карповой, О.С. Ларионову, А.А. Машинскому, А.В. Оссовскому, Д.И. Петину, С.В. Прокопьеву, О.Г. Редькиной, Н.М. Салминой, Н.В. Сарченко, М.Г. Семенову, В.И. Таланину, К.В. Фроловой, а также неравнодушным людям, оказавшим финансовую поддержку проекту: Э.С. Прудникову, Н.В. Сарченко, Д.Ю. Гладышеву, А.В. Оссовскому и сандыктавским казакам.

УДК 929.52
ББК 63.214

ISBN 978-5-8042-0668-1 (т. 2)
ISBN 978-5-8042-0667-4

«Родословная книга Сибири» – итог многолетних наработок по практической генеалогии, представленных в жанре историко-литературных повествований. Используя документы федеральных, региональных и ведомственных архивов, потомки сибиряков впервые публикуют на страницах данной книги истории о своих предках, делятся с читателями опытом сбора генеалогической информации, разгадывают тайны рода и фамилии, опровергают или подтверждают семейные мифы и легенды.

Книга предназначена для широкого круга читателей – историков, генеалогов, специалистов по сибирскому краеведению, работников архивов, музеев и др.

© Ефремова Ю.Н., 2020
© Типография «Золотой тираж»
(ООО «Омскбланкиздат»), 2020

9+

Виталий Таланин

Таланин Виталий Игоревич родился в 1977 г. в г. Запорожье. Потомственный русский дворянин. Имеет два высших образования: инженер электронной техники, инженер-программист. Кандидат физико-математических наук, doctor of science honoris causa (почётный доктор наук), профессор. В ходе исследования собственной родословной восстановил 32 поколения рода по основной линии, а также многие боковые ответвления. Происходит из доваряжского славянского княжеского рода наследственных правителей так называемого «государства Дира» (арабское название) или «Древлянской земли» (название русских летописей); по прямой мужской линии является потомком первого исторического новгородского посадника Добрыни Нискинича, дяди по матери Великого князя Владимира I Крестителя, ставшего прототипом былинного Добрыни Никитича. Последующие предки автора принадлежали к роду наследственных новгородских посадников Нискиничей (X-XII вв.), Малышевичей (XII-XIII вв.), Мишиничей-Онцифоровичей-Григорьевичей (XIII-XV вв.). По воссоединении Великого Новгорода с Москвой (1478 г.) потомки ветви Григорьевичей, оставшись в будущей Архангельской земле, дали начало родам Амосовых, Кологривовых, Лентьевых, Молодых Бояр, Ключарёвых. Предки автора из ветви Онцифоровичей были из староновгородского боярства переведены во дворянство (1499/1500 гг.), затем – в купечество (1560-е гг.). Прямые предки автора в 1579/1580 гг. переселились из Великого Новгорода в Нижний Новгород, где основали Нижегородский Сошествия Святого Духа монастырь и село Богородское – современный г. Богородск Нижегородской обл. Часть семьи стала нижегородским купечеством, и из неё вышел Спаситель Отечества Кузьма Минин, а другая часть, оставшись в Богородске, дала начало родам Третьяковых, Поповых, Таланиных, Пономарёвых, Проскурниковых/Проскуряковых. К настоящему времени автором детально изучена родословная рода Таланиных (включая все боковые ветви), начальные этапы родословных вышеуказанных родов, а также ранее образовавшихся родовых ответвлений – дворянских родов Орроc, Тиса (Венгрия) и Насута (Польша, Беларусь). Проживает в г. Запорожье (Украина).

Адрес электронной почты: v.i.talanin@mail.ru
Сайт: vitalanin.com

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ РОДОСЛОВНЫХ В XXI ВЕКЕ

Настоящая работа посвящена вопросу возможности восстановления русских крестьянских родословных, а равно глубине этого восстановления. Большинство обывателей полагает, что, во-первых, такие исследования трудны или вовсе невозможны, а во-вторых, что они малоперспективны, ибо изучение отечественных непривилегированных сословий не выявляет, якобы, никаких «великих личностей», а потому никому «неинтересно».

Обе обозначенные проблемы коренятся в наследии советской эпохи, когда отношение к генеалогии было весьма специфичным. До

1917 года генеалогия на Руси развивалась в двух направлениях. Во-первых, как и на Западе, это было направление условно «дворянское», ибо, собственно, первыми, кто стал официально декларировать свои родословные, были именно представители знати, поскольку такое декларирование закрепляло их статусные и земельные претензии. Отечественная историография XIX в. начала привлекать генеалогию в качестве подспорья в исторических исследованиях. Однако с лёгкой руки М.С. Гастева (1801-1883), к сожалению, именовавшего генеалогию «*вспомогательной исторической наукой*» [1], это её определение закрепилось и продолжает довлеть доныне. Расцвет «дворянского» направления отечественной генеалогии наступил к концу XIX века, когда русские генеалоги объединились в «Историко-родословное общество» (ИРО, Москва, 1905) и «Русское генеалогическое общество» (РГО, Петербург, 1898) [2]. Здесь были выпущены книги и справочники, ряд статей в специальных журналах; собирались и систематизировались источники; члены обществ преподавали генеалогию в Петербургском и Московском археологических институтах. Львиную долю исследований по-прежнему занимали дворянские родословные, но впервые учёные занялись родословными духовенства и купечества.

Вторым направлением генеалогии было условно «народное». Однако в отличие от первого направления второе никак не развивалось до 1917 года. Традиционная генеалогия «*почти не обращала исследовательского внимания*» [3] на родословные непривилегированных сословий (мещан и крестьян). Вместе с тем не следует полагать, что отечественное простонародье не знало рода-племени, живя в виде сорной травы при дороге. Существует замечательный исторический анекдот, хорошо иллюстрирующий отношение к генеалогии даже в наиболее низших слоях общества: «*Страшно расстраивали помещичье, как и государственное, хозяйство крестьянские побеги… Судебные места были завалены исками о беглых, их архивы – указами о побегах. Сенат не умел или не позаботился выработать удобного порядка судопроизводства по этим делам. Старое Уложение предписывало искать и выдавать беглых по писцовым и переписным книгам 1620-1640-х гг. В деревне Коломенского уезда писцовая книга 1627 г. записала беглеца Сидорова. Сто лет спустя сыщик владельца этой деревни излавливал где-то в воронежской степи крестьянина по фамилии Сидоров и приводил в суд как потомка беглеца. Судья спрашивал приведённого, происходит ли он от Сидорова, 1627 г. Тот из страха говорил, что происходит, и его отдавали истцу. Но у соседа в деревне по той же писцовой оказывался свой беглец Сидоров: он хватал только что выданного и приводил в суд, где этот крестьянин, не зная, кому он достанется, на такой же вопрос судьи отвечал, что он и от этого Сидорова происходит. За «переменные речи» – пытка: знай твёрже свою восходящую линию. В 1754 г. по настоянию императрицы Сенат, наконец, постановил выдавать беглых по сказкам первой ревизии, не восходя дальше 1719 г.*» [4]. То есть даже холоп знал свою родословную, ибо от этого зависели его здоровье, жизнь и в каком-то смысле карьера. Наконец, широко известно о подаваемых до 1917 года мещанами и крестьянами в храмы на поминовение длинных списков предков.

Думается, что интерес традиционной генеалогии до 1917 года не направлялся в сторону непривилегированных сословий по причине инертности мышления. Как хорошо известно, лишь Пётр I [1682-1725] [5] ликвидировал все междусословные состояния, а равно закрыл сословия, в особенности дворянское, от притока извне. Только при Николае II [1894-1918] были сняты последние сословные ограничения с податных сословий [6], но два века существования чисто «дворянской империи» не позволяли учёным-генеалогам, преимущественно дворянам же, столь быстро переориентироваться с корпоративных интересов своего сословия на изучение тех, кем в эти два века интересоваться было не принято. Февральский же и октябрьский перевороты 1917 года вовсе привели к «отмене» генеалогии как таковой. ИРО прекратило своё функционирование уже в 1917 г., поскольку его председатель уехал в Южную Россию, а в 1920 г. эмигрировал. РГО в 1919 г. реорганизовалось в «Русское историко-генеалогическое общество» (РИГО). В ноябре 1922 г. РИГО было отказано в перерегистрации, ибо его существование объявлялось «*нецелесообразным по обстоятельствам данного времени*» [7], а в сентябре 1923 г. библиотека и архивы РИГО были экспроприированы в пользу государства. Оставшиеся без организационного оформления генеалоги примкнули к т.н. евгенистам, сторонникам возникшей на Западе «евгеники» как науки об улучшении человеческой природы. В отличие от Запада, где евгеника сразу по возникновении приобрела негативный оттенок, заключавшийся в насильст-

венной стерилизации и выбраковке из общества неугодных лиц, отечественная евгеника фактически была той же генеалогией. Симбиоз генеалогов с антропологами и биологами состоял в том, что в его рамках исследовались различные родословные, в том числе и представителей простонародья, для, если будет позволительно выразиться столь образно, подтверждения поговорки «*яблоко от яблони недалеко падает*». Изучались не просто родственные связи, а наследственность, исходя из чего делались выводы, к примеру, о полной бездарности и вырождении интеллигенции, занимающейся чем угодно, но только не государствоустроением [8]. Интересно, что этот анализ следует рассматривать вовсе не в свете политики новых властей, а скорее как упрёк высшему дворянству и разночинской интеллигенции, ставшим устроителями февральского переворота, логическим следствием которого стал переворот октябрьский. Евгенисты-генеалоги верно показывали справедливость следующих природных законов: 1) *подобное притягивает подобное*, 2) *подобное рождает подобное*, 3) *то, что не становится подобным, отторгается*. Антропологу и биологу, дворянину М.В. Волоцкому (1893-1944) принадлежат следующие верные слова: «*Расскажи мне твою родословную, и я скажу тебе, кто ты, – так должно быть с евгенической точки зрения переиначено известное изречение*» [9]. Перефразируя последние постулаты, можно говорить о том, что своими работами евгенисты-генеалоги 1920-х гг. успешно показали, что во все времена человека делает тем, кем он есть, его *генетика*, его *кровь*, его *происхождение*. Окружающая же среда оказывает на человека лишь преходящее влияние. Разумеется, подобные исследования не могли быть допустимы при новых властях, ибо внедряемый ими основной посыл заключался в *безликости*: полное отсутствие личности, отказ от неё в пользу толпы, умело направляемой кукловодами, должны были править бал. Во время «Великого перелома» (1928-1932 гг.) были разгромлены все остававшиеся на виду остатки «старого мира» в политике, экономике, науке и культуре. Не миновала эта участь и генеалогию: «*Её ярко выраженный «дворянский» характер воспринимался враждебным для нового строя. Это в конечном счёте и привело к практически полному исчезновению генеалогии в 1930-х – 1950-х годах, когда генеалогия наряду с геральдикой были признаны «мёртвыми» и неактуальными, и к её более чем скромному существованию в последующие десятилетия советской власти*» [10]. Даже и в 1960-80-х гг., когда генеалогические работы вновь стало возможно печатать, генеалогия фактически была «*нелюбимой падчерицей советской исторической науки*» [11].

Вплоть до наших дней советское отношение широких масс к генеалогии, к сожалению, сохраняется. Это следует признать одним из результатов состоявшегося в первой половине XX века слома русской национальной и культурной парадигмы. Если до 1917 года все сколько-нибудь активные личности стремились подняться над общей массой, то после 1917 года все, особенно уцелевшие так называемые «бывшие», стремились наоборот спрятаться, «не высовываться». Очень многие были вынуждены скрывать своё происхождение, «подчищать» биографии, записываться в чуждые им социальные слои. Семейные архивы уничтожались либо прятались очень глубоко. Промывка мозгов молодёжи и «культ Павлика Морозова», главная суть каковой пропагандистской фигуры заключалась в *возвеличивании предательства собственного отца*, т.е. *разрушения семьи*, не позволяла старшим представителям семьи общаться с младшими и передавать им знания, в том числе генеалогические. Разумеется, так было не всегда, но всё же в большинстве. К примеру, моя собственная бабушка Зинаида Николаевна Таланина (ур. Самохина, 1918-2015) [12] почти ничего не рассказывала, лишь делая намёки. Затем приходилось согласно этим намёкам копаться в архивах, платить деньги за запросы, многие из которых оказывались выстрелами в молоко, пока зачастую лишь интуитивно удавалось нащупать верное направление поиска. До своего конца она была уверена, что в 1991 году ничего фактически не поменялось, и, как показали все следующие годы, в этом она была права. Итак, когда в большинстве случаев старики уходили в иной мир, так и не передав своих знаний молодёжи, происходил разрыв поколений, традиционного уклада семейной жизни, родственных связей. Мне неоднократно приходилось общаться с лицами, безапелляционно заявлявшими о ненужности *копания в грязном белье*, имея в виду генеалогию собственного рода, и добавлявшими, что «*раз лично меня 100-200-300 лет назад не было, то нечего об этом и говорить*». Даже после того, как я восстановил родословную собственного рода, опубликовал об этом ряд книг и статей и разрекламировал свои результаты в том населённом пункте, где мой

род обитал до 1917 года в течение трёх с лишним веков, эти результаты не были востребованы частью его представителей, носящих одинаковую со мной фамилию.

Вернёмся к обозначенным в начале настоящей статьи основным претензиям обывателей в отношении нежелания отыскивать свои корни из-за отсутствия, по их мнению, среди оных «чего-то великого». Не буду вновь указывать на хорошее знание своих родословных на Руси даже низшими слоями общества, а равно на то, что знание о своих предках является признаком высокой культуры как отдельной личности, так и нации, к которой эта личность принадлежит. Укажу здесь на явную ошибочность мнений о невозможности нахождения «чего-то великого».

Что понимать под «чем-то великим»? Помнится, в середине моего поискового процесса, когда я уже обладал большим массивом информации о прошлом, я решил связаться с нынешними потомками моего рода, найденными по адресно-телефонным справочникам. Надежда была на случайное отыскивание какого-нибудь энтузиаста, который также имел бы какие-то знания по исследуемой мной теме и мог бы оными поделиться. Один из моих адресатов задал мне вопрос: а не было ли в нашем роду лиц духовного звания, особенно пострадавших за веру? Этот пример свидетельствует о том, что те или иные люди нередко лелеют какую-то надуманную самим себе фантазию, с которой пытаются сверять свою дальнейшую жизнь. Кто-то хочет найти в своём роду священников, кто-то – дворян-военных, кто-то – известных личностей. Многие так и продолжают мечтать, не пытаясь вовсе никого искать. Но немало и тех, кто ищет и находит лишь «обычных» мещан да крестьян, после чего «в расстройстве» бросает поиски, ибо «чего-то великого» так и не находит.

Правилен ли такой подход? Разумеется, нет. Поэту, дворянину Н.И. Жданову-Луценко (р. 1954) принадлежат замечательные строки:

…Нам выбор изначально предоставлен,
На миг блеснуть, открыв ударам грудь.
Или гореть, пусть всеми ты оставлен,
Другим нелёгкий освещая путь…

Иными словами, каждый живёт сообразно полученным от Господа дарованиям. Кому-то даровано 100 талантов, кому-то – 10, кому-то – 1. И каждый обязан успеть в своей жизни реализовать все свои таланты: в этом судьба и призвание, смысл бытия каждого человека. Некая выдающаяся личность реализует свои 100 талантов и остаётся в истории навсегда. А кто-то реализует лишь 1 талант, например, рождает замечательного сына. Этот, второй, чем-то хуже того, первого? Перефразирую иначе: встретившиеся двое бывших школьных приятелей разговорились, и один признался другому, что завидует ему. Тот спросил, в чём же? Ответ: да ты, вот, стал профессором, написал много умных книжек, а я всего-то «наплодил» пятерых детей и больше ничего. Профессор ответил ему, что книжки-то он написал, но своих детей по каким-то причинам иметь не может. Так кто из этих приятелей «лучше»? Кто из них внёс больший вклад для развития своей нации и можно ли вовсе ставить вопрос в таком аспекте? Завидующий не понимает здесь, что поскольку Господь позволил ему продолжить род, значит, его детям или внукам непременно предстоит сделать что-то важное и нужное. Тот, кто не смог продолжить свою родовую ветку детьми, написал ряд хороших книг, которые будут читать иные люди и воспитываться ими как его духовные дети. Тот, кто реализует лишь 1 талант, быть может, обеспечивает этим фактом возможность существования тому, кто реализует 100. Не было бы того, кто с одним талантом, не стало бы и того, кто с сотней. Всегда есть те, кто живёт по определению римского поэта Горация (65-8): «*Радости ведь не одним богачам лишь в удел достаются, / Прожил не худо и тот, кто безвестным родился и умер*» [13]. Уточнено это было римским поэтом Овидием (43 г. до Р.Х. – 17/18 гг. от Р.Х.): «*Верь мне: благо тому, кто живёт в благодатном укрытье, / Определённых судьбой не преступая границ*» [14]. Из этого родилось крылатое латинское выражение *bene qui latuit, bene vixit (хорошо жил тот, кто жил незаметно)*. Но очень важным в цитированных фразах является уточнение – не преступать границ, *определённых судьбой*, иначе – *Господом*. Вышеупомянутые русские евгенисты-генеалоги подчёркивали, как указывалось, что *подобное рождает подобное*, иначе, согласно русской поговорке, «*От худого семени не жди доброго всхода*», а равно «*Всяк сверчок, знай свой шесток*». Судьбу, иначе – Бога, невозможно обмануть, невзирая ни на какие социалистические идеи XX века либо трансгуманистические

идеи XXI века [15]. Но здесь мы вновь возвращаемся к пресловутым поискам «чего-то великого». Если *подобное рождает подобное*, иначе – *благородное рождает благородное*, значит ли это, что обыватели правы и искать «чего-то великого», заведомо не принадлежа к известным в истории фамилиям, не нужно? Нет, ибо, согласно очередной поговорке, «*Не всё то золото, что блестит*». Мне довелось встречать в своей жизни доцентов, профессоров, членов-корреспондентов и академиков, бывших откровенными бездарностями и негодяями, доносчиками, ворами чужих идей, политико-идеологическими приспособленцами. Вместе с тем доводилось видеть людей «простых», не отягощённых должностями, чинами и званиями, бывших много честнее и порядочнее. Если оперировать правилами, установленными русскими евгенистами-генеалогами, как ответить на вопрос, почему так происходит?

Здесь нужно понять следующее: строго говоря, между дворянством и крестьянством никакой особенной разницы нет. Можно из поколения в поколение служить на благо Отечества, но также можно и пахать землю. И если не будет тех, кто пашет землю, не станет и тех, кто эту землю защищает. В советской историографии, особенно в первой половине XX века, была очень распространена мысль (а в советских средних школах эта мысль преподавалась как «факт»), что закрепощение русского крестьянства произошло либо даже в домонгольское время, либо в 1580-х гг., либо как минимум Уложением 1649 года. На самом деле русская деревня была свободной до Петровских реформ. После 1649 г. крестьянство делилось на такие группы [16]: 1) черносошные крестьяне (лично свободные, ок. 21% от всего крестьянства); 2) дворцовые (лично свободные, ок. 7%); 3) владельческие. Первые две категории были выборным составом Земских соборов. Третья категория делилась на две группы: 1) патриаршие и монастырские крестьяне (ок. 16%); 2) помещичьи и вотчинные (ок. 56%). Уложение 1649 г. сделало владельческих крестьян крепкими не дворянину, а земле, на которой проживал этот крестьянин. Только в том случае, если крестьянин брал ссуду у дворянина и не мог её вовремя вернуть, он становился холопом; во всех прочих случаях он был полноценным субъектом права, включая уголовное законодательство. Следует подчеркнуть, что крепким земле оказывался только крестьянин-дворохозяин и его прямой наследник, как правило, старший сын. Все прочие сыновья, их дети и т.п. считались вольными людьми. С первой половины XV в. отечественное законодательство выделило их в категорию именно *вольных людей* (в эпоху Смуты дополнительно названных также «гулящими»). Если дворохозяин мог уйти со своей земли только в случае оставления на ней равноценного хозяина, то любой из его родичей мог уйти куда и когда угодно. Это правило действовало на Руси и до начала XV в., и после Уложения 1649 г. вплоть до Указа Петра I 1719 года, которым категория вольных людей была упразднена и причислена к холопам. Но в эту категорию в разное время, особенно в XVII веке, нередко входили и дворяне, обедневшие или бросившие службу и лишённые за это поместья. Более того, ряд мелких дворян, пытаясь спастись от Петровских реформ, в начале XVIII в. даже добровольно записывался в кабальное холопство. Такое можно было делать и ранее, и по истечении оговорённого времени записавшийся возвращался в своё прежнее состояние. Но Пётр I никого не вернул, автоматически записав всех, в том числе и «временных» холопов, в крепостное состояние в 1719 г. В 1712 г. была создана крестьянская категория однодворцев, в которую насильно записали низший слой провинциального дворянства – так называемых «детей боярских городовых», а в 1719 г. к нему добавили всех так называемых «служилых по прибору» и ряд мелких дворян, не желавших нести изнурительных служб. Указом 24 сентября 1724 г. однодворцев упразднили, переведя в категорию казённых крестьян, но Указом 18 января 1731 г. вновь восстановили: однако за это время немало бывших однодворцев насильственно стали крепостными крестьянами [17]. С 1719-го по 1785 г. однодворцам даже при наличии несомненных доказательств их дворянства и желании выйти из крестьянского состояния было запрещено это предпринимать [18]. В 1764 г. все однодворцы, обитавшие в Сибири, были переведены в категорию казённого крестьянства [19]. В 1866 г. была упразднена остальная группа однодворцев с переводом её в казённое крестьянство [20].

Также следует указать, что именно из среды вольных людей с XV в. и до 1719 г. пополнялась категория «служилых по прибору» (пищальники, стрельцы, пушкари, затинщики, копейщики, воротники, городовые казаки и др.), члены которой имели право подавать прошение об их

верстании в провинциальное дворянство. Кроме того, вольные люди имели право верстаться во дворянство, минуя категорию «служилых по прибору». Таким образом, многие века до 1719 года низовое русское дворянство пополнялось напрямую из крестьянских детей, и категория знати вплоть до Петровских реформ не была закрытой кастой. Более того, то, что ныне принято именовать «социальным лифтом», не было заказано до начала XVIII в. никому. Взглянем, для примера, на опубликованные материалы переписей XVII в. по селу Богородскому Нижегородского уезда (совр. г. Богородск Нижегородской обл.) [21]. В переписи 1620/1623 гг. указывается церковный нищий Архипко Савельев. В переписи 1646 г. показаны его дети – церковные бобыли Китунька и Лукоянко Архиповы, а также внуки – Харитонко и Исачко Китаевы. В описи села за 1667 г. указаны дети Лукьяна Архипова – церковные бобыли Васька и Гришка Лукояновы, а также сын Гришки и показано наличие одного захребетника у Васьки; отдельным двором жил церковный бобыль Исачко Китаев. Перепись 1678 г. указывает, что последний имеет 8-летнего сына, уже являясь просто бобылём (без приставки «церковный»), и его полное имя – Исачко Китаев сын серебряник. То есть один внук нищего – аналога нынешнего бомжа – имеет наёмного работника (Васька Лукоянов). Прозвище Исачко Китаева – другого внука бомжа – является так называемым «профессиональным прозвищем». Это прозвище говорит либо о том, что сам Исачко стал первым в своём роду серебряником, либо же, как максимум, первым серебряником был его отец (Китунька Архипов). Под «серебряником» в контексте цитируемого документа нужно полагать мастера по серебрению. Под серебрением понимается процесс нанесения тонкой плёнки серебра на поверхность твёрдого материала (как правило, стекла) для придания ему зеркально-отражающих свойств. То есть ещё раз подчеркну: один внук нищего-бомжа занимался каким-то делом, имея наёмного работника, а второй сумел обучиться серьёзной технологии химического производства (возможно, первым обучился ей ещё его отец) и стать уникальным для своего населённого пункта, а потому неплохо зарабатывающим предпринимателем. При этом на 1667 г. Исачко был церковным бобылём, а уже в 1678 г. он стал просто бобылём, т.е. перешёл из церковного подчинения в подчинение вотчинное. В качестве понимания уровня возможностей XVII в. нынешнему читателю следует попытаться ответить на вопрос: может ли сегодняшний бомж иметь детей и внуков, а тем более воспитать их так, что один из внуков имел бы наёмного работника, а второй владел технологией химического производства, обладал материалами и открыл собственное производство? Кстати говоря, в перечисленных переписях не указывается судьба Харитона Китаева и Григория Лукьянова с сыном. Они исчезают из переписей. Это отличная иллюстрация перехода этих людей в категорию вольных людей. Став вольными людьми, они – при наличии финансовых возможностей – могли перейти в любую иную сословную категорию: от простого горожанина (мещанина) до провинциального дворянина (сына боярского городового). Любой современный читатель должен понять этот аспект очень хорошо: в середине XVII века в Центральной России внук нищего-бомжа имел все возможности стать потомственным дворянином.

Таким образом, необходимо понимать, что тщательное, детальное исследование собственной родословной может вывести исследователя на подчас совершенно неожиданные открытия. Дворянин может обнаружить, что в начале XVII в. его родоначальником был нищий бродяга, а нынешний «простой» обыватель, чьи дед и отец в XX в. учили его, что весь их род состоял только из рабочих и крестьян, может обнаружить своим родоначальником дворян XV-XVII вв. Может ли последнее для исследователя стать тем самым пресловутым «чем-то великим»? Вопрос, разумеется, риторический.

Здесь, впрочем, нужно понимать важный аспект вопроса. Речь ни в коем случае не идёт о том, что дворянин мог бы произойти из представителей навсегда опустившегося отребья. Во-вторую, что евгенисты-генеалоги 1920-х гг. верно установили, что подобное порождает подобное, и отребье не может породить, условно говоря, «исполина духа». Если потомки нищего сумели овладеть ремёслами, стать зажиточными и получили теоретические права выйти во дворянство, значит изначальный нищий не был «потомственным отребьем»: надо быть уверенными в том, что он обнищал в силу каких-то объективных обстоятельств. Проиллюстрирую это на примере, о котором не знают очень многие дипломированные исследователи, а тем более об этом не подозревают исследователи-любители. Так, хорошо известно, что родовые фамилии были на Руси

большой редкостью. Все, кто имел фамилии в XVI-XVII вв., принадлежали к «активному классу» общества: имели возможность свободного передвижения в государстве, владели недвижимостью от своего лица либо имели собственные производство/торговлю. Человек, не ведущий подобного образа жизни, не имел официальной фамилии, т. е. такой, которая фиксировалась бы в документах; «уличная» же фамилия могла быть, но далеко не всегда она впоследствии становилась официальной. При Петре I с 1724 г. для передвижений по стране требовалось выписывать удостоверение личности, которое для неслужащего дворянина представляло собой дворянскую грамоту, а для купцов, торговых крестьян, крестьян-отходников, ремесленников, служащих дворян, мещан, чиновников-недворян – т.н. «пропускное письмо». Этот документ стал первым в русской истории паспортом, который выдавался либо для отлучек в пределах своего уезда (не далее 30 вёрст от места приписки), либо для отлучек за пределы уезда на срок не более трёх лет. Только человек, имеющий паспорт, указывал в нём трёхчленное именование, т.е. фамилию, которую выбирал себе сам [22]. После отмены крепостничества в 1861 г. ситуация не особенно изменилась. Паспорт по-прежнему был нужен для передвижений, а кто не передвигался, не требовал и паспорта, а значит, не нуждался в официальной фамилии. «Положение о видах на жительство» от 03.06.1894 г. отменило значение паспорта как бумаги, разрешающей передвижение, превратив его лишь в удостоверение личности. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г., касаясь тех местностей, где проживавшие лица не имели фамилий, офамиливала таковых, как правило, фамилиями от христианских крестильных имён. Однако часть «неактивных лиц» так и осталась без фамилий даже и после 1897 г., а часть, получив фамилии, ими не пользовалась «за ненадобностью»: сельская и городская беднота (люмпены), асоциальный элемент (уголовники и т.п.), кочующие инородцы (калмыки, казахи, киргизы), мелкие коренные народы Сибири. В ходе уничтожения Русского государства в войне 1917-1923 гг., как известно, подлинная элита была выбита либо ушла в глубокое подполье, а именно люмпены, уголовники и инородцы выплеснулись кверху. При этом те, кто ничего не представлял собою до 1917 г. и не собирался расти над собой, по-прежнему не имели фамилий. С 01.01.1924 г. начали поголовно выдавать новое 3-летнее «удостоверение личности»: в ходе этого процесса проводилось офамиливание, которое шло явочным порядком. Человек, получая документ, мог выбрать любую фамилию, которая для многих не подтверждалась метрическими выписями по месту фактического рождения/проживания. Получалось, что человек имел паспорт с фамилией, но подтвердить факт своего существования метрикой он не мог, ибо метрическая выпись выбранной им в 1920-е гг. фамилии не содержала. После введения с 1933 г. единой паспортной системы в СССР с 1935 г. для получения паспортов надо было предоставить свидетельство о рождении, делавшееся на основе метрики. Возникала проблема: человек с документом был, а по метрике его вообще никогда не было. Для устранения проблемы в 1940 г. вышел Циркуляр НКВД № 1691, предусматривавший порядок закрепления фамилий за их реальными носителями на основании заключения органов ЗАГСа по месту жительства заявителя. Так, с 1940 г. человек обращался в ЗАГС по месту жительства, где ему делалась «из воздуха» метрическая выпись, подтверждающая факт соответствия личности и фамилии, на основании которой можно было получить паспорт. Как видно, это подтверждает правоту законодательства Русского Царства: холопу фамилия не нужна. Перефразируя суть французских кинокомедий «Пришельцы» (1993) и «Пришельцы-2» (1998), можно сказать: «Проспер-говночерпий» останется таковым как в XII веке, так и в XXI веке, хоть бы его потомок в силу насильственных опытов над социальным порядком станет миллионером. Иначе говоря, в родословных сегодняшних представителей отечественной аморфной биомассы или уголовного дна вряд ли можно найти что-либо интересное, кроме точно таких же представителей в любые эпохи.

Итак, позволю себе более детально рассмотреть процесс исследования родословной, приведший к обнаружению в древности не только «чего-то великого», но и реальных крупных исторических персонажей, на примере собственных работ. До меня этими вопросами занимались такие отечественные исследователи, как Е.Н. Носов (р. 1949) [23] и А.И. Копанев (1915-1990) [24]. Первый показал, что одной из разновидностей репрессий московских властей против староновгородского боярства в 1480-х гг. после окончательного присоединения Великого Новгорода к Москве была т.н. «дефеодализация». Бояр, которые обитали в своих имениях в

районе Северной Двины, не выселяли и не отбирали их земли, но насильно перевели в черносошное крестьянство. А.И. Копанев детально проследил судьбы некоторых крестьянских родов Двинской (затем – Архангелогородской) земли, показав их происхождение из среды старонов-городского боярства и построив их генеалогию в XVI-XVII вв. Результаты моих исследований, в основном длившихся с 1993-го по 2015 г. и в тех или иных аспектах идущих доныне, оказались продолжением работ этих авторов.

Замечу, что к началу моих исследований я обладал весьма небольшим массивом информации. Под влиянием навсегда испуганной большевиками моей бабушки (см. выше) соответствующая информация не передавалась ни мне, ни моему отцу. Только незадолго до своей смерти мой дед Евгений Васильевич Таланин (1926-1999) передал мне ряд документов, прояснивших ряд моментов его жизни в XX веке, а также рассказал о том, что его отец – мой прадед – был награждён орденом Св. Георгия IV ст., а его дед – мой прапрадед – до большевиков «руководил кожевенными мастерскими». Также мой дед успел рассказать мне две семейные легенды, которые кратко сводились к двум аспектам: 1) наши предки «никогда не были крепостными», но когда-то были крестьянами; 2) наши предки пришли с Севера, с Новгородчины под Нижний Новгород.

Итак, на первом этапе моих исследований удалось восстановить детальную генеалогию моего рода, включая все боковые ветви с последней четверти XVI в. до настоящего времени [25]. Исследование проводилось «снизу вверх»: от моего прадеда по восходящей линии. Я намеренно запрашивал даже те данные, которые, как будто, были известны, чтобы перепроверить их. Исследования велись по всем направлениям: валово просматривались метрические книги, исповедные росписи и ревизские сказки по вышеупомянутому селу Богородскому.

На этом этапе моими родоначальниками оказались трое братьев из Великого Новгорода: монах Порфирий (мирское имя неизв.) (1510/20-е гг. – 1600/1604), Лукьян Леонтьевич (1510/20-е гг. – 1587/1600), Артемий Леонтьевич (до 1544 – после 1580). Лукьян был «корыстным купчиной» (ростовщиком) и новгородским целовальником [1571-1573]. Артемий был купцом-ормячником и новгородским целовальником [1574-1575]. Также Лукьян имел сына Третьяка, купца-шелковника и новгородского целовальника [1576-1577]. После марта 1577 г. и не позже лета 1579 г. все они с семьями переселились из Великого Новгорода в Нижний Новгород. Порфирий стал строителем и игуменом [1579/1580 – 1600/1604] нижегородского Сошествия Святого Духа монастыря. Лукьян стал нижегородским купцом и синхронно с братом основал в 40 км от города сельцо Подолец (1579/1580). До 1587 г. он построил в сельце церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, из-за чего сельцо было переименовано в село Богородское. Земли, приписанные к Богородскому, официально были дворцовыми, но купцу Лукьяну они были сданы в аренду, и он для привлечения населения раздавал землю на оброк крестьянам; фактически Лукьян был «неофициальным вотчинником» на дворцовой земле. Лукьян и его двое старших сыновей остались жить в Нижнем Новгороде, тогда как Артемий Леонтьевич и трое младших сыновей Лукьяна – Третьяк (до 1546 – 1610-е гг.), Корнилий (1546/1567 – 1623/1646), Алексей (1546/1567 – 1597/1623) – обитали в Богородском. От Алексея пошёл местный род Проскурниковых/Проскуряковых. Третьяк стал священником при построенной отцом церкви [1597/1600 – 1610-е гг.], каковая должность в роду стала наследственной – следующим священником стал его сын Василий [1610/20-е гг. – 1640-е гг.]. Дети Василия, однако, отказались от священничества, поскольку старший из его сыновей стал сельским земским дьячком, основав один из трёх местных родов Поповых. От его младшего брата пошёл местный род Третьяковых. Священническая должность перешла в род Корнилия Лукьяновича. Его сын был пономарём при родовой церкви, и трое его младших сыновей основали местный род Пономарёвых. Старший сын Василий Саввич (до 1630 – 1690-е гг.) стал новым священником при Рождественской церкви [до 1660-х – 1690-е гг.]. Его сын Афанасий (1659/1663 – после 1722) стал последним в роду священником [1690-е гг. – 1711/1715]. Между 1711-м и 1715 г. он и его сын Василий (до 1701 – 1779) были выключены из духовного сословия и перечислены в крестьянство. Это произошло вследствие погрома Петром I Православной Церкви. Несмотря на то, что затем был издан закон, по которому ранее выключенные из состава духовенства лица могли возвратиться в оное, мои предки отказались от этого, не желая соблюдать предписания об обязательности нарушения тайны исповеди. Поскольку

Богородское с 1614 года было помещичьим, то все крестьяне, обитавшие в нём, становились помещичьими, иначе – крепостными. Представители сельского духовенства были лично свободными людьми, но, утеряв духовный статус и перейдя в крестьянство, они также становились помещичьими. Вместе с тем, став таковыми, мои предки не стали классическими крепостными. С самого начала Василий Афанасьевич, впервые в истории взявший фамилию Таланин, с тех пор никогда не менявшуюся, вошёл во внутрисословную категорию «торгового крестьянства». Эта группа объединяла в себе наиболее богатых казённых и помещичьих крестьян, занимавшихся коммерческой деятельностью и одновременно плативших две группы налогов: все крестьянские и все мещанские. Согласно закону 1723 года, пока помещичий «торговый крестьянин» имел средства для ежегодной уплаты этих налогов, он был неподвластен своему помещику [26]. Внуки Василия Афанасьевича перестали жить общей семьёй и основали в Богородском отдельные ветви общего рода Таланиных. Старшая ветвь, потомком которой являюсь я, продолжала быть «купцами во крестьянстве»: внук Василия Афанасьевича Гавриил Иванович (1774-1836) владел в Богородском кожевенным заводом с наёмными рабочими. Его сын Иван Гаврилович (1799-1883) был в элите помещичьего крестьянства, в разряде «капиталистых крестьян», а с 1860-х гг. стал купцом 2-й гильдии. Вплоть до 1917 года моя ветвь рода одновременно числилась в крестьянстве и второгильдейском купечестве, каковое сочетание разрешалось законами 1863-го и 1899 г. [27]. Внуки Ивана Гавриловича не утратили капитал: Василий Фёдорович (1847 – после 1911) имел кожевенный завод, а Иван Фёдорович (1858-1918) владел строгальными мастерскими кожевенно-мехового сырья, а также занимался оптовой торговлей этим сырьём и полуфабрикатами. Мои предки оказались людьми русскими, православными государственниками, что не позволяло им увлекаться различными идеологическими ересями: не приветствовали они ни февральский, ни октябрьский перевороты 1917 года. Дети Василия Фёдоровича участвовали в богородском антибольшевистском восстании в мае 1918 г., а Иван Фёдорович и его дети – в Белом движении [28]. Младший сын Ивана Фёдоровича Василий (1900-1969) – мой прадед, окончив 6 классов реального училища, поступил в Александровское военное училище (Москва). На рубеже октября/ноября 1917 г. он принял боевое крещение, защищая от большевиков Московский Кремль. Затем вместе с отцом, находившимся тогда в Москве, они ушли в Новочеркасск, где начала формироваться Добровольческая армия. На рубеже ноября/декабря 1917 г. Василий Иванович участвовал в боях по освобождению от большевиков Ростова-на-Дону, за что был награждён войсковым атаманом Донского казачьего войска А.М. Калединым [1917-1918] орденом Св. Георгия IV ст. В феврале 1918 г. отец с сыном стали первопоходниками – участниками «Ледяного похода». В середине

Подпоручик (в перчатках) Михаил Иванович (1889-1936) и штабс-капитан Василий Иванович (1900-1969) Таланины. Первая половина октября 1919 г.

Семья Таланиных (1957/1958 гг.), сидят (слева направо): София Петровна (1896-1971) [29], Игорь Евгеньевич (р. 1952), Василий Иванович (1900-1969) Таланины; стоят (слева направо): Зинаида Николаевна (1918-2015) и Евгений Васильевич (1926-1999) Таланины

1918 г. к ним присоединились двое оставшихся сыновей Ивана Фёдоровича – Фёдор (1892-1918/1920) и Михаил (1889-1936). Оставшиеся в живых Василий и Михаил осенью 1919 г. состояли в команде конной разведки 1-го Офицерского ген. Дроздовского стрелкового полка, в чинах штабс-капитана и подпоручика соответственно. Они уцелели во время «Новороссийской катастрофы» (март 1920) и затем сумели вернуться в Центральную Россию, избежав опознания и репрессий.

Самым сложным на первом этапе поиска был «выход» из XVII в XVI век. Первой сохранившейся переписью по селу Богородскому является перепись 1620/1623 гг. Краткое экономическое описание села осталось под 1608 годом, а первое простое упоминание села относилось к 1588 году. Однако сохранились акты земельных сделок между дворянами, которые заключались в непосредственной близости от дворцового села Богородского. В актах, датируемых 1597-1600 гг., в качестве послухов (то есть свидетелей) привлекались наиболее уважаемые и богатые крестьяне села. Именно среди них мне удалось обнаружить вышеупомянутых Третьяка и Алексея Лукьяновичей. Вместе с тем их отец не фигурировал ни в каких из сохранившихся нижегородских документов. Если бы не было семейной легенды о нашем происхождении из Великого Новгорода, я вряд ли попытался бы вести дальнейшие изыскания именно в этом направлении. Однако, во-первых, первая наша семейная легенда в скорректированной форме подтвердилась. Во-вторых, я знал слова М.Е. Бычковой (1936-2014) о необходимости тщательного изучения родовых легенд, какими бы «сказочными» они не выглядели, ибо «*именно в легенду о происхождении родоначальника вкладывалась идея сословной принадлежности семьи*» [30], поэтому возникла необходимость изучения сохранившегося писцового материала по Великому Новгороду. В течение XVI в. там было немало переписей, однако сохранились только неполные их отрывки от 1570-80-х гг. Обнаружить моих предков удалось только в сохранившихся за 1571-1587 гг. списках новгородских целовальников.

На полученном результате можно было бы остановиться, поскольку иных источников XVI века по Великому Новгороду не сохранилось. Однако в процессе разысканий первого этапа в литературе XIX века я обнаружил легенду о новгородском боярине, попавшем в царскую опалу, постриженном в монахи под именем Порфирия и основавшего Нижегородский Духов монастырь. Кроме того, существовала легенда о том, что село Богородское – в виде сельца Подолец – было основано неким купцом. Третья нижегородская легенда гласила, что село Богородское было основано новгородцами. За 150 лет в историографии вопроса так и не появилось ни одного предположения о том, кем был боярин Порфирий и богородские новгородцы. Вместе с тем именно мне удалось впервые показать, что в Нижегородском регионе появились реальные новгородские переселенцы, причём дети купца-переселенца обитали затем именно в Богородском, а сам купец идеально соответствовал нижегородской легенде о купце-основателе этого села. Таким образом, на втором этапе исследований я задался целью выяснить, можно ли связать между собой новгородцев-основателей Богородского и боярина Порфирия, а также можно ли найти их общие корни, опираясь на сведения об их боярстве?

Для ответа на эти вопросы мне пришлось детально исследовать весь актовый материал Великого Новгорода, весь корпус берестяных грамот, все русские летописи. Однако результат стоил того. На втором этапе исследований мне удалось восстановить новгородскую генеалогию моего рода вплоть до первой половины X века [31]. Было определено, что братья Леонтьевичи конца XVI в. являются прямыми потомками по мужской линии боярского рода из новгородского Неревского конца, известного в научной литературе под именем Мишиничей-Онцифоровичей (XIII-XV вв.). Старшая ветвь рода – Мишиничи – были репрессированы в 1480-х гг. после воссоединения Новгорода с Москвой. Средняя ветвь – Онцифоровичи – репрессиям не подверглась из-за их непричастности к приглашению литовцев, в чём были виновны Мишиничи. Также была выявлена третья, младшая ветвь рода, названная мною Григорьевичами. Представители этой ветви с последней четверти XIII в. получили в наследственную должность Карельское кормление, заключавшуюся в общем управлении Карельской землёй, находящейся в составе Новгородского княжества. В 1350-х гг. Григорьевичи уступили эту должность Онцифоровичам в обмен на ряд территорий в Двинской (будущей Архангельской) земле. С этого времени Григорьевичи добровольно отказались от участия во внутриполитической жизни Великого Новгорода,

превратившись в обыкновенных помещиков. Было определено, что именно от ветви Григорьевичей в XVI в. произошли архангелогородские черносошные крестьянские роды Амосовых, Кологривовых, Лентьевых, Молодых Бояр, а также чёлмужский крестьянский род Ключарёвых; потомки этих родов существуют до сего дня. Выяснено, что моя генеалогия происходит от той ветви Онцифоровичей, что получила в 1350-х гг. наследственное Карельское кормление. Мною определены поимённо все бояре, отправлявшие эту должность до 1478 г. Затем последний кормленщик вплоть до 1499/1500 г. оставался при новгородском наместнике, неофициально помогая ему в вопросах управления карелами. С 1500 г. мои предки были лишены боярства и переведены в категорию *дворовых своеземцев*, соответствующую московским *детям боярским дворовым*. Однако в 1540-60-х гг. новгородская знать подверглась реформированию: у своеземцев были отняты земли, которыми они владели на вотчинном праве, и сразу возвращены обратно на поместном праве. Это означало, что новгородские дворяне-своеземцы, переходя в дворян-земцев, сохраняли дворянство, пока владели земельными владениями, а владели они ими только, пока кто-либо из их семей мог нести пожизненную военную службу. Такая практика была во всём тогдашнем Русском государстве, однако всем боярам и дворянам разрешалось иметь не только поместные, но и вотчинные земли. Вотчины не отчуждались у русской знати, тогда как поместья могли быть потеряны в любой момент. Потомки староновгородской знати были лишены вотчин, видимо, преднамеренно. С одной стороны, власть гипотетически могла видеть в них «вольнодумцев», сторонников староновгородской «вольности». С другой стороны, что вероятнее, эта реформа была выгодна старомосковской знати, могущей теперь отнимать эти земли себе. Итак, немало новгородских своеземцев по тем или иным причинам не перешли в категорию земцев, т.е. не были включены в официальное русское дворянское сословие. Так братья Леонтьевичи конца XVI в. из дворянства перешли в купечество.

В ходе этого этапа исследований выяснилось, что неревские бояре Мишиничи-Онцифоровичи-Григорьевичи были потомками семьи неревских бояр Малышевичей (XII-XIII вв.). Из семьи Малышевичей вышел ряд крупных церковных деятелей того времени: Варлаам Хутынский (основатель и первый игумен новгородского Хутынского монастыря [1180-е гг. – 1208/1209]; общерусский святой (1461)); Антоний (второй игумен Хутынского монастыря [1208/1209 – 1210]; архиепископ Новгородский [1210-1218, 1226 – весна 1228, осень 1228 – май 1229]; епископ Перемышльский [1219-1225]); Ксенофонт Робейский (третий игумен Хутынского монастыря [1210-1230]; основатель и первый игумен Робейского монастыря [1230-1262]). Политическая деятельность Малышевичей была направлена на поддержку владимиро-суздальских Рюриковичей. Борьба была самоотверженной: в период с 1193-го по 1219 г. были убиты, в т.ч. с помощью наёмных убийц, шестеро мужчин семьи. Однако это не остановило Малышевичей: в ожесточённых схватках 1220-х гг. деятельность архиепископа Антония и боярина Вячеслава Прокшинича, новгородского тысяцкого [1228-1229], не только удержала Великий Новгород под верховенством владимиро-суздальских князей, но и привела к изгнанию из города пронемецкой партии, что обеспечило русские победы над шведами и немцами в 1240-м и 1242 гг. В результате похороны боярина Вячеслава в мае 1243 г. были особо отмечены летописями, указавшими присутствие на похоронах не только тогдашнего игумена Хутынского, но и архиепископа Новгородского Спиридона [1229-1249], а также Александра Ярославича *Невского*, князя Новгородского [1228-1229, 1230-1240, 1241-1252, 1257-1259], В.К. Киевского [1249-1263] и общерусского Государя [1252-1263].

Дальнейшие генеалогические исследования в рамках второго этапа показали, что боярский род Неревского конца восходит к первому историческому новгородскому посаднику, дяде по матери В.К. Владимира I *Крестителя* [980-1015], Добрыне Нискиничу (935/936 – 997/1001), который стал прототипом былинного Добрыни Никитича. Ещё в середине XIX в. русским историком Д.И. Прозоровским (1820-1894) было сделано открытие [32], поддержанное некоторыми авторами [33], о том, что Добрыня был сыном древлянского князя Нискини/Мала [ок. 944 – 945/946]. Ряд обстоятельств позволил полагать, что летописное русское Древлянское княжество являлось «государством Дира» арабских источников и пресловутым «Русским каганатом». С высокой степенью вероятности мною был определён предшествующий Нискине древлянский князь Володислав [? – ок. 944], имя которого сохранилось в русско-византийских до-

говорах. Тем самым было показано, что новгородский неревский боярский род, названный мною Нискиничами, происходил от доваряжской правящей русской династии, потомком которой в 32-м поколении являюсь я. Поскольку все исторические Рюриковичи происходят от Владимира I и *младшей* сестры Добрыни Малы, все потомки Нискиничей имеют *генеалогическое старшинство* перед всеми потомками Рюриковичей. Также в византийских источниках под 568/570 гг. было обнаружено упоминание о верховном князе склавинов Добрыне, которого, согласно концепции родовой преемственности имён, резонно видеть дальним предком обнаруженной доваряжской династии.

На третьем этапе исследований мною изучался ряд дополнительных вопросов. Я показал, что правнук Добрыни Нискинича Вышеслав Остромирич (1020-е гг. – после 1080-х гг.) основал южнорусскую ветвь перемышльских и галицких бояр Нискиничей, к которым принадлежала семья бояр Кормильчичей, свергнувших в 1213 г. Рюриковичей [34]. Новгородский боярин Сбыслав Степанич (после 1140/50-х гг. – после 1211/1217) с семьёй переселился в южный Галич, а оттуда его дети ушли в Венгерское королевство, где основали род Orrus/Oros/Orozi, ответвлением которого стал венгерский графский род Тиса. Представитель венгерского рода Оррос переселился в 1350-х гг. в Польшу, где основал шляхетский род Насута, чьи представители обитают в Польше и Гродненской области до сего дня [35]. Также было показано, что потомки Кормильчичей ориентировались на владимиро-суздальских Рюриковичей, полностью поддерживая политику своих новгородских старших родственников и Александра *Невского*, в частности в виде вынужденного союза с Ордой и категорического неприятия католического Запада. Проиграв в борьбе за южнорусский Галич, галицкие Нискиничи основали и возглавили княжество, известное в литературе под названием Болоховской земли. К сожалению, ориентировавшийся на Запад галицкий и волынский князь Даниил Романович, получивший от папы римского титул «короля Галиции», сумел в 1255/1256 гг. разгромить и уничтожить Болоховскую землю.

В ходе следующих исследований была показана историчность былинного Василия Буслаева и определено его место в генеалогической схеме неревских бояр; также показано, что ряд представителей неревских Нискиничей имели непосредственное отношение к процессам русского летописания и сложения былин, а новгород-северский тысяцкий и его сын, ставшие авторами «Слова о полку Игореве», принадлежали к роду Нискиничей [36]. Было показано, что новгородские и перемышльские Нискиничи занимались военным делом, возглавляя отряды профессиональных воинов, являющиеся прообразом позднейшего отечественного военного спецназа; новгородские Нискиничи породили известное движение ушкуйников, с 1350-х гг. развивающееся без их участия [37]. Мною был исследован генезис одного из важнейших русских символов – *двуглавого орла* – и показано, что: 1) образ двуглавой птицы был символом доваряжской династии Нискиничей; 2) символ был заимствован ранними Рюриковичами как «знаки Рюриковичей» (двузубцы, трезубцы) [38].

Также была восстановлена родословная богородского рода Кореловых и всех его местных родичей иных фамилий [39]. Выяснено, что он являлся потомком древней карельской знати рода Наволоч, ответвления рода карел Куролчи. Также было впервые в историографии показано территориальное расселение всех карельских родов в шведских и русских землях.

Было выяснено генеалогическое происхождение *спасителя Отечества* Кузьмы Минина (1567/1568 – 1616), члена триумвирата, управлявшего Русским государством [26.X.1612 – 21.II.1613] [40]. Он происходил из семьи Леонтьевичей конца XVI в. Отец Кузьмы – Мина (1540-е гг. – до 1616) – был сыном купца Лукьяна Леонтьевича, Кузьма был его внуком и племянником богородского священника Третьяка Лукьяновича. Когда в 1614 г. Богородское было пожаловано Кузьме в вотчину, фактически царь отдал ему «его же» земли, некогда арендованные дедом Кузьмы.

Таким образом, мои исследования показывают, что исследовать собственную родословную, имея изначально очень небольшие исходные данные, можно и нужно. Результаты исследования могут оказаться весьма неожиданными, как то и произошло в моём конкретном случае. В общем виде большая часть моих результатов показана на нижеприводимых генеалогических схемах (см. диск к книге). Здесь показано только нисходящее родство, то есть по прямой мужской линии. Если же рассматривать родство ещё и вширь, то можно говорить об обнаруженном моём

родстве со всеми монаршими династиями Европы: ибо через двукратное родство Нискиничей с венгерскими Арпадами можно прослеживать по женским линиям наше родство вплоть до нынешних британских Виндзоров.

Определяющую роль в человеческой истории играют отдельные нации, каждая из которых состоит из отдельных личностей. Каждая из этих личностей на своём месте делает по-своему большое дело. Роль личности в истории не следует умалять, на каком бы месте в социальной иерархии та или иная личность не находилась бы. В каждой нации её высший, элитарный слой составляет от 5 до 20%. Но хотя этот слой всегда находится на пике всеобщего внимания, роль остающихся 80–95% также весьма важна. Извлечение из социальной иерархии какого-либо звена приводит к цепной реакции, которая, если не будет вовремя остановлена, грозит гибелью социального порядка и, как следствие, гибелью или серьёзным ущербом всей нации. Поэтому справедливы слова французского историка Л. Февра (1878-1956): «*История – наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях… Существует только одна история – история человека, и это история в самом широком смысле слова*» [41]. В таком случае можно с полным правом говорить о том, что история человечества есть совокупность биографий, а также генеалогических связей всех когда-либо живших людей. Наследственность, *порода* имеют значение отнюдь не только для того, кто разводит ценные экземпляры тех или иных животных. Наследственностью объясняется большинство поступков каждого человека. А если речь идёт не об обывателях, а о власть предержащих, знание их национального и генеалогического происхождения позволяет порой ответить на «тёмные» вопросы истории. Вот почему во всех своих предыдущих работах я всегда постулировал, что наилучшим способом познания истории своего Отечества является познание собственной генеалогии. Никогда так детально и скрупулёзно не узнаешь родную историю, если не изучаешь собственные корни: ведь, чтобы понять, как и что делал тот или иной предок, приходится изучать и законы, и бытовые вопросы различных эпох, и тогдашние социальные взгляды и т.п. [42]. В тех тяжёлых условиях, в которых ныне существует наша русская Родина, нам всем никогда не следует забывать о своём происхождении. Хотелось бы надеяться, что в самом ближайшем будущем могло бы состояться духовное, территориальное и экономическое возрождение Русского государства, в котором знание своих генеалогических корней вновь будет признаком высокой культуры. Мы же должны понимать, что наши чаяния выражены во многом словами поэта Н.И. Жданова-Луценко:

Мы богаты лишь тем, что в России родились.
Только это у нас никому не отнять.
Мы всегда и везде русским флагом гордились,
И забывшим про Родину нас не понять.
Наше сердце не там, где покой и достаток,
Если это вдали от российских полей.
Мы бы отдали всё, чтобы жизни остаток
Провести среди праведных русских людей...

Примечания:

1. *Гастев М.С.* Лекция о вспомогательных науках для истории. М., 1830; *Он же.* Генеалогия. М., 1835.

2. *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. С. 126-145.

3. *Пчелов Е.В.* Евгеника и генеалогия в отечественной науке 1920-х годов // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 1920-х гг. М., 2008. С. 42.

4. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения. М., 1989. Кн. 4. С. 294.

5. Здесь и далее в квадратных скобках при имени даются сроки пребывания лица в указываемой должности.

6. С 1906 г. крестьяне получили все права для поступления на госслужбу, а с 1913 г. получили право отдавать своих сыновей для образования в кадетские корпуса. Указ от 06.04.1916 г. вводил государственный подоходный налог, что отменяло само существование «податных» и «неподатных» сословий.

7. *Пчелов Е.В.* Указ. соч. С. 40.

8. *Лепин Т.К., Лус Я.Я., Филипченко Ю.А.* Действительные члены Академии наук за последние 80 лет (1846-1924) // Известия. Бюро по евгенике. 1925. № 3. С. 3-82; *Филипченко Ю.А.* Интеллигенция и таланты // Там же. С. 83-101.

9. Цит. по: *Пчелов Е.В.* Указ. соч. С. 39.

10. *Пчелов Е.В.* Указ. соч. С. 40.

11. *Купцов И.В.* Генеалогия как историческая наука // Ветер времени. Журнал Южно-Уральской ассоциации генеалогов-любителей г. Челябинска. 1999. № 4. С. 4.

12. Потомок московских купцов Самохиных по мужской линии и боровских купцов Щербаковых по женской.

13. *Гораций.* Оды; Эподы; Сатиры; Послания / Ред.: М.Л. Гаспаров. М., 1970. С. 355.

14. *Овидий.* Скорбные Элегии; Письма с Понта / Ред.: М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1978. С. 26.

15. См. об этом: *Таланин В.И.* Сущность идеологии трансгуманизма: современные информационные технологии. Запорожье, 2016.

16. *Таланин В.И.* Русские сословия: история и современность. Запорожье, 2006. С. 139-146.

17. *Таланин В.И.* Русские сословия. С. 169.

18. *Таланин В.И.* Русские сословия. С. 216.

19. *Таланин В.И.* Русские сословия. С. 170.

20. *Таланин В.И.* Русские сословия. С. 386.

21. Село Богородское в XVII веке: документы и исторический очерк / Сост.: С.М. Ледров, В.Н. Беляева. Н. Новгород, 2014. С. 8, 25, 28-30, 54.

22. Не всегда однажды избранная фамилия становилась постоянной. Если крестьянин-отходник каждый год брал новый паспорт для временных отлучек, то каждый год у него могла быть новая фамилия. У торговых крестьян ситуация была лучше, но если они разорялись и переставали перемещаться, то взять впоследствии очередной паспорт они могли уже с новой фамилией, поэтому нередки случаи, когда один и тот же человек в метрических записях может встречаться под разными фамильными именованиями. Однако, как правило, когда фамилия фиксировалась в ревизской сказке, её автоматически дублировали в следующих документах. Лиц, требующих отлучек по роду деятельности, было немного: например, торговых крестьян на 1766 год было 5554 души муж. пола, что составляло ок. 2,9% от всего торгово-промышленного населения; причём в это число входили сразу и помещичьи, и казённые крестьяне. Учитывая общее число помещичьего крестьянства на 1783 год в 6 678 000 душ муж. пола (53% от всей крестьянской массы), становится ясно, почему наличие фамилий у крепостных крестьян было редким явлением.

23. *Носов Е.Н.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XIV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1.

24. *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.

25. *Таланин В.И.* Род Таланиных в истории Богородска. Богородск, 2015; *Он же.* К вопросу о происхождении богородских родов Третьяковых и Поповых // НИКА. 2016. Вып. 14; *Он же.* К вопросу о дате основания города Богородска // НИКА. 2018. Вып. 15 (в печати).

26. Именно этим фактом объясняется семейная легенда о том, что Таланины «не были крепостными, но были крестьянами». Как оказалось, строго официально крепостными крестьянами между 1711-м и 1715 гг. Таланины всё-таки стали, но, согласно закону 1723 года, они не были подвластны помещику, платя установленные налоги.

27. Именно благодаря этим законам, многие люди сумели избежать в 1920-30-х годах репрессий по «классовому признаку». То есть нынешний читатель должен понять это совершенно чётко: человек мог быть крестьянином по сословной принадлежности и одновременно заниматься промышленной или коммерческой деятельностью. В последнем случае он мог покупать себе купеческое свидетельство, а мог не покупать, это было его личное право. Пока он был крестьянином, он мог стать только «временным купцом 2-й гильдии», а если бы он вышел из крестьянства в мещанство, то ему разрешалось быть купцом обеих гильдий без приставки «временный». Однако никакой разницы в правах между «временным» и обычным купцами не было, зато купеческое свидетельство стоило дорого (лишь одно двигало теми, кто покупал свидетельство: они могли участвовать в системе местных выборов того времени, становясь городскими депутатами (гласными городской думы) и мэрами (городскими головами)). Подавляющее большинство предпринимателей рубежа XIX/XX вв. купеческих свидетельств не выкупали, хотя и могли исчислять годовые обороты своих заводов и капитала в сотни тысяч тогдашних рублей. Именно по этой причине таким людям удалось впоследствии затеряться в новой среде: после переворотов 1917 года они-то как были по документам крестьянами, так ими и остались.

28. *Таланин В.И.* Род Таланиных в Белом движении // Гражданская война и Нижегородский край. Исследования, воспоминания, дискуссии. Нижний Новгород, 2018.

29. Ур. Зубкова, внучка обер-офицера Варшавского жандармского полицейского управления, дочь почётного гражданина и потомственной дворянки (ур. Плаховой).

30. *Бычкова М.Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 14. С. 13.

31. *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия X-XVI вв. и её потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.

32. *Прозоровский Д.И.* О родстве Св. Владимира по матери // Записки Импер. АН. 1864. Т. 5. Кн. 1.

33. *Членов А.М.* Древлянське походження князя Володимира // Укр. ист. журн. 1970. №№ 9-11; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 31; *Членов А.М.* По следам Добрыни. М., 1986; *Таланин В.И.* У истоков Руси.

Очерки истории IX-XI вв. Запорожье, 2001. С. 78-95; *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. X-XIII века. СПб., 2011. С. 127-128.

34. *Таланин В.И.* Русская и русско-венгерская знать X-XV вв.: историко-генеалогическое исследование. Запорожье, 2016.

35. *Таланин В.И.* Материалы к происхождению родов Naso и Nasuta (о древнерусских корнях некоторых родов немецкой и польской аристократии XIV-XV вв.) // Вестн. Гродненского университета. 2017. Т. 9, № 3.

36. *Таланин В.И.* К вопросу о вкладе русской знати в развитие средневековой литературы // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 1 (14). Впервые эта работа была представлена на конференции в Нижнем Новгороде в апреле 2018 г.

37. *Таланин В.И.* К истокам русского военного спецназа // Гуманитарные проблемы военного дела: военно-научный журнал. 2016. № 3 (8).

38. *Таланин В.И.* Истоки и генезис русского двуглавого орла // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия. Сб. мат. VIII н.-пр. конф. Ярославль, 2017.

39. *Таланин В.И.* Родовая корельская знать XIII-XV вв. и её потомки в Центральной России // Novogardia. 2019. № 1.

40. *Таланин В.И.* О новгородском происхождении Кузьмы Минина // Уральский родовед. 2017. Вып. 13.

41. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 19.

42. По этой причине именовать генеалогию «вспомогательной дисциплиной» категорически неправомерно.